

УДК 82(571.53).09

**«УТИНАЯ ОХОТА» А. ВАМПИЛОВА
И «ЗАЖИГАЮ ДНЕМ СВЕЧУ...» В. ГУРКИНА:
ОБ «АГРЕССИВНОЙ» ИСКРЕННОСТИ**

Ю. М. Брюханова

Иркутск, Россия

Аннотация. Сопоставляются главные герои пьес Александра Вампилова «Утиная охота» и Владимира Гуркина «Зажигаю днем свечу...». Основа типологического родства Зилова и Долина выстраивается на понятии искренности, которое претерпело значительный семантический сдвиг еще в 1960-е гг., а в 1970-е данный процесс породил так называемую агрессивную искренность. Анализ исходит из необходимости разграничения понятий: искренности как этического, социального и эстетического критериев (последнее можно рассматривать в рамках риторики). Не исключая значимости искренности как эстетического критерия, в статье акцент делается на первых двух выделенных понятиях как маркерах поведения героев Вампилова и Гуркина.

Ключевые слова: Александр Вампилов, Владимир Гуркин, искренность, хрущевская оттепель, эпоха застоя.

Знаменитая пьеса Александра Вампилова «Утиная охота» была написана в 1970 г. Первая пьеса Владимира Гуркина «Зажигаю днем свечу...» («Андрюша. Его история в трех частях») – в 1979 г. Причин рассматривать имена драматургов и их произведения в одном контексте немало.

Во-первых, Вампилова и Гуркина объединяет сибирское пространство и город Черемхово. Во-вторых, первые драматургические опыты Владимира Гуркина несут на себе отпечаток вампиловского следа. Т. Г. Бусаргина в очерке о творчестве драматурга отмечает: «Еще в 1972 г., в год гибели Вампилова, Гуркин пишет пьесу о студентах и, конечно же, под влиянием его “Прощания в июне”. Писал, как признавался автор впоследствии, “от избытка чувств”» [2, с. 15]. В-третьих, родственность художественных образов Виктора Зилова из «Утиной охоты» и Андрея Долина из «Зажигаю днем свечу...» кажется очевидной любому читателю, знакомому с тем и другим текстом. Здесь есть совпадения внешнего плана: героям около 30 лет, они женаты, но оба увлечены молодыми, отличающимися своей чистотой и искренностью героинями. И Зилов, и Долин со стороны выглядят не обиженными судьбой людьми, с собственным видением мира и не без способностей, тем не менее жизнь обоих героев – это крушение. Павел Руднев отмечает, что в Зилове «мы встречаем совершенно новый феномен, героя, который мог появиться только в XX веке: человек без воли к жизни, самоистребляющийся организм» [9, с. 102]. И. Плеханова, анализируя творчество Гуркина, пишет: «Первая психологическая драма “Зажигаю днем свечу...” (“Андрюша. Его история в трех частях”) (1979) рассказывает о де-

градации одаренного человека, предавшего свою душу» [7, с. 48]. Таким образом, помимо внешних сюжетных переключек, отмечается внутренняя психологическая близость героев.

И всё же при кажущейся общности образов Зилова и Долина между ними есть принципиальное различие. Двойственность Зилова связана с типологическим генезисом образа – между трикстером и демоном, по определению И. Плехановой и Н. Шестаковой [8]. Игра для Зилова носит драматургический, театральный характер, в то время как для Долина игра подчиняется правилам – правилам шахматной игры, отражающей красоту интеллектуального упорядочивания мира. Долин в этом знает толк – он легко обыгрывает даже мастера спорта по шахматам.

Показательна и портретная характеристика героев, подчеркивающая их несовпадение: если Зилов «довольно высок, крепкого сложения; в его походке, жестах, манере говорить много свободы, происходящей от уверенности в своей физической полноценности» [4, с. 129], то Долин толстый, лысый, в очках («Андрюша, ты явно пользуешься спросом у женщин. Что поделаешь, сейчас мода на толстых и лысых», – говорит Себаков [6, с. 29], а Люба в другом эпизоде замечает: «Какой заба-авный без очков» [Там же, с. 37]).

Долин типологически включается в парадигму не мифологических образов, а, скорее, в классификацию психологических типов. С одной стороны, он инфантилен, по-детски непосредствен; недаром в подзаголовке пьесы дается уменьшительно-ласкательная форма «Андрюша». Есть и еще одна любопытная деталь, подтверждающая инфантильность гуркинского героя: если Зилов у своих родителей уже четыре года не показывался и, как можно понять из текста, совершенно от них обособился, то Долину «до сих пор мама с папой деньги шлют» [6, с. 87]. Но с другой стороны, главный герой пьесы «Зажигаю днем свечу...» – преждевременно состарившийся человек. Катя говорит ему, что он заразил ее старостью [Там же, с. 93].

Как видим, образ Долина не копирует образ Зилова, но, безусловно, с ним связан. У обоих внешне благополучные бытовые условия, работа, семья, компания друзей и в то же время скука, апатия, попытки самоубийства. Это не индивидуальные характеристики Зилова или Долина, а обобщение, знак времени. Появление таких героев в литературе связано с социально-историческими условиями и трансформацией художественного сознания, зависящего от временного контекста. В ряд различных гипотез о том, что является предпосылкой создания таких типов, как Зилов и Долин, мы попытаемся встроить свою, связанную с понятием искренности. Оно, на наш взгляд, дает во многом объяснение поведению и образу мышления героев Вампилова и Гуркина.

Искренни ли эти герои?

В самом общем понимании искренний – это выражающий подлинными мыслями и чувствами (синонимы – правдивый, откровенный). В философии понятие искренности связано с истиной и непротиворечием мысли и слова.

Психология в основном рассматривает его как отражение личностной целостности, когда согласуются высказывание, мысли и поступки человека [1]. Однако простая и четкая на первый взгляд дефиниция в философской интерпретации и работах по психологии характеризуется отнюдь не однозначно. Сложно рассматривать искренность как безусловно моральный, этический критерий. Искренний человек убежден в том, что он говорит правду, но субъективное понимание правды не обязательно совпадает с объективной действительностью. Еще сложнее, когда речь идет об искренности как этической норме общественного устройства. Не существует четких критериев распознавания искренности человека, что оставляет возможность для обмана и введения в заблуждение. Риторика не скрывает, что искренность – это орудие оратора, желательное средство воздействия на слушателя; в данном случае искренность может противоречить исходной установке откровенности и правдивости, так как подразумевает в той или иной степени манипулятивное воздействие. Между искренностью и наигранностью грань очень тонка. Более того, человек может впасть в самообман и не всегда в состоянии оценить даже то, насколько он искренен сам с собой.

Широта трактовки слова «искренность» в бытовом и научном дискурсах, на наш взгляд, требует конкретизации и разведения в одном понятийном поле разных обозначений. Следует говорить об искренности как этической критерии, социальном и эстетическом (последнее можно рассматривать в рамках риторики). Не исключая значимости искренности как эстетического критерия, мы обратимся к первым двум выделенным понятиям как маркерам поведения героев пьес «Утиная охота» Вампилова и «Зажигаю днем свечу...» Гуркина.

Для Зилова и Долина невыносимо следовать принципу искренности как социальному критерию. Они видят ложь окружающего мира и ведут наступление на нее, агрессивно разрушая жизни находящихся рядом людей и свои собственные. Зилов подставляет Саяпина, оскорбляет Веру, обманывает Ирину, разрушает надежду на семейное счастье у Галины. Герой Гуркина обманывает Катю, не раз подводит своих товарищей Байкова и Танова, последний из которых говорил о Долине, что тот «со всей искренностью и непосредственностью» «кушает людей» [6, с. 20].

И всё-таки ни Зилова, ни Долина не бросают: всегда кто-то оказывается рядом, даже когда уже невозможно оставаться рядом. Зилова спасает от самоубийства телефонный звонок, а также пришедшие вовремя Саяпин и Кузаков. Долина в его борьбе против алкоголизма всеми силами поддерживает Катя, хотя сил этих остается всё меньше и меньше. Возможно, именно откровенность, не вписывающаяся в общепринятые стандарты социального поведения, привлекает в этих героях. Не как нечто, чему хочется подражать, а как некое проявление жажды подлинного, истинных мыслей и чувств. Но эту жажду Зилов и Долин утолить не могут, они не обладают внутренней целостностью, которая является условием непротиворечия мысли, слова и

поступка. Поэтому их искренность приобретает агрессивный характер. Тапов раскрывается Долину: «Меня всегда сбивала с толку твоя агрессивная искренность, нежность, Андрей. В университете, да и потом какое-то время невольно чувствовал за тебя ответственность. И не я один. Уж какой был людоед Сахненко, но и он твои кости берег. Мне казалось, что ты этого просто не замечаешь, и я сбрасывал всё на твою распаханность, непосредственность, что ли. Но однажды я увидел, что качества перестали быть качествами и превратились в доспехи» [6, с. 19].

Зилов и Долин – это герои, скорбящие по потерянной чистоте и искренности, синонимом которой является истина. Они честны в том, что осознают свой провал. «...Ничего из нас уже не будет» [4, с. 168], – говорит Зилов Саяпину; «Я – фикция» [6, с. 115], – убеждает Долин Катю. В художественном пространстве пьес победителями жизни оказываются официант Дима, который умеет убивать уток, потому что они для него неживые, Борода и Муля, считающие себя «санитарами общества» и убивающие человеческое в человеке [6, с. 123].

Главные герои «Утиной охоты» и «Зажигаю днем свечу...» не признают фальшь, ложь, но не могут бороться за правду, так как они сами далеки от истины, она только мерещится им, они ее жаждут, но достичь не могут (в этом заключается трагизм их судьбы). Получается, что с помощью агрессии и грубости (не обязательно выраженной именно в речи) они пытаются противостоять не столько лжи (так как ей противопоставить нечего), сколько рутине и автоматизму. Подобное явление исследовал Борис Гройс. Его характеристика поведения людей в обществе вполне может объяснить некоторые поступки Зилова и Долина: «Тот, кто говорит и живет машинально, автоматически, без отклонений, по строгим правилам, вызывает у нас особенно интенсивное подозрение, что внутри он абсолютно другой, нежели на поверхности, – поскольку у нас возникает ощущение, что он не хочет нам себя показывать. В этом случае наблюдатель неизбежно начинает практиковать агрессивную, провокативную стратегию разоблачения, чтобы силой вынудить другого к признанию – и заставить его скинуть маску и показать свое истинное лицо. При этом наблюдатель рассчитывает не на что иное, как на произвольный сбой в программе, прорыв, движение, ошибку, неудачу – или, иными словами, появление другого, чуждого, необычного знака среди привычной рутины. Именно такой знак расценивается как проникновение во внутреннее другого» [5, с. 61]. Однако интересно, что в художественном мире пьес «провокативная стратегия разоблачения», используемая как Зиловым, так и Долиным, дает произвольный сбой не в программе тех, чье поведение кажется машинальным и автоматическим, а в программе самих главных героев.

Другой тип искренности – искренность как этический императив – явлен в женских персонажах: это Ирина из «Утиной охоты» и Катя из пьесы «Зажигаю днем свечу...». В их образах соединяется выражение подлинных

мыслей и чувств с внутренней целостностью, поэтому мысли, слова и действия друг другу не противоречат. В образе Ирины Вампилов расставляет акценты уже при первом ее появлении, что отражено в ремарке: «Ирине восемнадцать лет. В ее облике ни в коем случае нельзя путать непосредственность с наивностью, душу с простодушием, так же, как ее доверчивость нельзя объяснять неосведомленностью и легкомыслием, потому главное в ней – это искренность» [4, с. 155]. Внешней портретной характеристики Кати в пьесе Гуркина нет, но красноречивы ее поступки, спонтанные, непосредственные, настоящие. Ею двигало не любопытство, не жажда приключений, когда она вернулась в квартиру к незнакомому мужчине, куда она по ошибке попала с товарищами в новогоднюю ночь. Она чувствует одиночество Долина с самой первой минуты и не покинет его до конца (по крайней мере, если говорить о границах сюжета).

Искренность Зилова и Долина – это внутренняя убежденность человека в истинности того, что он делает и что он говорит, даже если слова и поступки не всегда согласуются между собой; главной целью проявления искренности становится борьба с «видимостью», «искусственностью» жизни, борьба за свое проявление в этой жизни, пусть и посредством агрессивных действий. Искренность же Ирины и Кати – это неотрефлексированная убежденность человека в истинности своих поступков и слов и, главное, соответствие этих поступков и слов.

Обращение к искренности в художественных произведениях 1970-х гг. невозможно без апелляции к историческому контексту. Не вдаваясь в подробности, напомним, что возникшая в период оттепели идея искренности как открытия истины в индивидуальном человеческом существовании очень быстро сделала искренность орудием манипуляции над общественным сознанием. Наступивший после оттепели период застоя снизил градус откровенности и степень воодушевления в попытке достичь светлого будущего. Именно в эпоху застоя, в 1970-е гг., создаются пьесы «Утиная охота» и «Зажигаю днем свечу...».

В этот период искренность воспринималась общественным сознанием как особая форма поведения человека, поэтому открытость заменяется этикетными формулами, что позволяет сохранять информационную и психологическую безопасность для большинства, но претит тому сознанию, которое воплотилось в образах Зилова и Долина. Зилов заявляет своим друзьям и знакомым: «Семья, друг семьи, невеста – прошу прощения!.. (Мрачно.) Перестаньте. Кого вы тут обманываете? И для чего? Ради приличия?.. Так вот, плевать я хотел на ваши приличия. Слышите? Ваши приличия мне опротивели» [4, с. 193]. Долин, когда пытается оправдаться перед Байковым и не потерять работу из-за очередного прогула, обращается к нему: «Если бы мне было наплевать... Я постарался бы выглядеть приличней. Неужели ты не понимаешь?!» [6, с. 76].

Петр Вайль и Александр Генис советское общество 60-х гг. называют «НЕсерьезным». «Отрицание “серьезности” подразумевало борьбу с фальшью» [3, с. 68], и это было осознанным действием. Но понятие правды, истины оказывалось неясным, туманным. Отсюда – актуализация жизни «в подтексте». «Бытовой ипостасью невысказанной правды была искренность. Истина лежала в подтексте, как золотой запас. А в качестве разменной монеты в обращение ввели предельную честность и надрывную откровенность» [3, с. 68]. Вайль и Генис говорят о том, что в эпоху 60-х максимально стирается грань между двумя полюсами: искренности и фальши. «Эпоха, заменившая знаки, конечно, не отменила любовь и дружбу, но загнала их в подтекст. Главные ценности жизни нельзя доставать наружу – иначе они заветаются, как фотобумага. Цинизм 60-х был маской, защищавшей чувства от инфляции» [3, с. 68]. На деле же оказалось, что такое поведение привело не к сохранению истинных чувств, а к тому, что маска стала заменять настоящее лицо. И в 70-е появился тип Зиловых и Долиных – героев, в которых сохранилась «НЕсерьезность» как борьба с фальшью, но в то же время произошла инфляция чувств. Истина для них по-прежнему туманна и неясна, но желанна – почти на уровне метафизически-религиозного вдохновения. Зилов говорит об утиной охоте: «Это как в церкви и даже почище, чем в церкви...» [4, с. 184]. А Долин безуспешно ищет на небе звезду, когда-то давно выбранную им себе в спутники: «Лет пятнадцать назад я тоже выбрал себе звезду. А потом прошло время, и забыл. Забыл какую, и вообще – выбирал ли. Пришлось загадать второй раз. Вот эту, крохотную, чуть различимую, где-то там, на отшибе – я помню. Казалось даже, что наш земной ветер сносит ее в сторону, такая она была маленькая. На следующий вечер я ее не нашел. Потом еще искал и бросил» [6, с. 130].

Неуловимая и невысказанная правда выражалась в 70-е уже не просто в надрывной, а в «агрессивной» откровенности, оказавшейся реакцией на искренность в социальном контексте. Но если рассматривать искренность как этический императив, то перед нами предстает ее девальвация, которая ведет к краху личной судьбы.

Образы Зилова и Долина, встроенные в один типологический ряд героев 70-х гг. XX в., фиксируют не только размывание понятия *искренность*, понимаемого как качество характера отдельного человека, но и редукцию этического императива, в результате чего оказывается нечего противопоставить усиливающемуся двоемыслию, имитации, деланности. Так отражаются движение времени и трансформация сознания человека – современника Вампилова и Гуркина.

Список литературы

1. Авакимян С. С. О понятии «искренность» и его трактовке в гуманитарных науках // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 37. С. 5–9.

2. Бусаргина Т. Г. «Зажигаю днем свечу...» (О творчестве драматурга Владимира Гуркина) // Владимир Павлович Гуркин: драматург, актер, режиссер : библиогр. материалы к электрон. изд. / [сост.: Л. А. Мирманова при участии Л. А. Казанцевой]; Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ка им. И. И. Молчанова-Сибирского. Иркутск, 2016. С. 11–40.
3. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М. : Новое литературное обозрение, 1998. 368 с.
4. Вампилов А. Утиная охота // Вампилов А. В. Прощание в июне: Пьесы. М., 1984. С. 127–204.
5. Гройс Б. Под подозрением. Феноменология медиа. М. : Худож. журнал, 2006. 200 с.
6. Гуркин В. «Зажигаю днем свечу...» Андрияша. Его история в трех частях // Гуркин В. П. Любовь и голуби : Пьесы ; воспоминания о драматурге. М., 2014. С. 7–130.
7. Плеханова И. И. Почему Владимир Гуркин не писал трагикомедии?.. // Владимир Павлович Гуркин: драматург, актер, режиссер : библиогр. материалы к электрон. изд. / [сост.: Л. А. Мирманова при участии Л. А. Казанцевой]; Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ка им. И. И. Молчанова-Сибирского. Иркутск, 2016. С. 41–51.
8. Плеханова И. И., Шестакова Н. В. Виктор Зиллов – плачущий демон или смеющийся трикстер? (О типологической идентификации героя) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 124–135. <https://doi.org/10.17223/18137083/67/12>
9. Руднев П. Александр Вампилов. «Я не знал, что вы живой» // Руднев П. Драма памяти. Очерки истории российской драматургии. 1950–2010-е. М., 2018. С. 85–107.

**“DUCK HUNTING” OF A. VAMPILOV AND “I LIGHT A CANDLE
IN THE AFTERNOON” (“ZAZHIGAJU DNJOM SVECHU”) OF V. GURKIN:
ABOUT “AGGRESSIVE” SINCERITY**

Yulia M. Bryukhanova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the comparison of the main characters of Vampilov’s “Duck hunting” and Gurkin’s “I light a candle in the afternoon” (“Zazhigaju dnjom svechu”). The typological close based on the term “sincerity”. Semantic of this word was transformed in 1960s – it was a cause of appearance of “aggressive” sincerity. The research demonstrates separate terms: sincerity as an ethical principle, sincerity as a social principle and as an aesthetic one. The main attention is paid to sincerity as an ethical and social principles, because it allows explain the consciousness and behavior of Zilov and Dolin.

Keywords: Alexander Vampilov, Vladimir Gurkin, sincerity, the Khrushchev Thaw, the Era of Stagnation.